

В.Н. Овчинников, Ю.С. Колесников

ЭТНОЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ¹

В статье рассматривается понятие этноэкономики, ее характерные черты и особенности. Выявляется место и роль этноэкономики в современных переходных экономических процессах в России. На примере регионов Юга России исследуются социально-экономические результаты функционирования этноэкономического сектора.

В современных теоретических и прикладных исследованиях помимо макро- и микроуровня национальной экономики принято выделять и мезоуровень. К мезоуровню экономики, как правило, относятся отраслевая, межотраслевая корпоративная, региональная формы организации экономической деятельности.

Однако, как показывает практика организации хозяйственной деятельности в полиэтнических регионах, на мезоэкономическом уровне существует еще один сегмент хозяйственной деятельности, в значительной мере не наблюдаемый статистическими и налоговыми органами – *этноэкономика*.

Этноэкономика является неотъемлемой частью «экономической ткани» переходных обществ, имеющих сложную полиэтническую структуру. Управление модернизационными процессами в этих обществах требует разработки и реализации таких экономических стратегий и механизмов, которые бы учитывали ресурсы этноэкономического сектора национального хозяйства, факторы его устойчивости и адаптивности.

В этой связи представляется актуальным вопрос об идентификации этого сектора экономики.

Существующие понятия, описывающие различные стороны этого феномена – «мелкотоварное производство», «натуральное хозяйство», «традиционный хозяйственный уклад» – недостаточно отражают системность фактора, на котором зиждется этот сектор экономики. Все эти понятия необходимо методологически связать с понятием «этнос», т.е. происхождением и социальной формой локального хозяйственного уклада, а также культуры на территориях проживания этнических групп.

К характерным чертам этноэкономики относятся:

- доминирование неформальных институтов;
- господство традиционных, преимущественно аграрных форм хозяйственной деятельности;
- сочетание натуральных и мелкотоварных форм производства, замкнутость домохозяйств, малоразвитость обмена;
- немобильные ресурсы, присущие местной среде обитания;
- эмпирический хозяйственно-трудовой опыт, использование кустарных ремесел и надомного труда;

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Ростовского Международного института общественных наук (МИОН) и научно-методическом содействии совместной Лаборатории регионального прогнозирования ИИП РАН и Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Ростовского госуниверситета.

– экстенсивный тип занятости с использованием сырьевой хозяйственной инфраструктуры, доминирование ручного труда;

– низкая социальная и территориально-пространственная мобильность населения.

Один из наиболее существенных признаков этноэкономики – применение традиционных для этнически выраженных регионов методов ведения производственной деятельности, личного подсобного и домашнего хозяйства. Особенно ярко это проявляется в хозяйственных укладах казачества, горных народов Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, в Калмыкии.

Процессы регионализации российской экономики в период рыночных реформ сопровождалась многоаспектным кризисом административных территорий, созданных в условиях гиперцентрализованной системы управления, а также «свертыванием» социально-экономического, социокультурного пространства этих территорий [1]. Это связано также с созданием федеральных округов и процессами размывания границ рыночно-экономического пространства России.

Свертывание социально-экономического пространства ведет к утрате позиций, занимаемых регионами в системе макроэкономических связей, по следующим направлениям:

– уменьшение функционального присутствия в экономическом пространстве, которое выражается в перемещении за их пределы части имущественных прав и финансовых потоков, а также ряда хозяйственных институтов;

– снижение административного (и политического) веса на макроэкономическом уровне (утрата части юрисдикции над территорией, сокращение ряда полномочий и объектов ведения, упрощение их организации и корпоративных стратегий, миграция капитала и т.д.).

Образовавшиеся вследствие этого в социально-экономическом пространстве регионов лакуны заполняются капиталами корпораций-нерезидентов других территорий, которые внедряются на рынки, где действовали предприятия и хозяйственные комплексы региона. Как показывает опыт, региональные элиты, как правило, не смогли удержать доминирующих позиций в управлении успешно функционирующими территориально-производственными комплексами.

Таким образом, новая логика строительства «экономических регионов» предполагает локализацию управления финансовыми и товарными потоками. Эта тенденция усиливается также в связи с тем, что все более реальными приоритетами в экономике регионов становятся не природные ресурсы и традиционные, локализованные на их территории факторы производства (основные фонды и земля), а знания и информационные технологии, не имеющие определенного регионального «происхождения» и территориальной «привязки».

В результате этих процессов в экономическом пространстве России формируются «зоны отчуждения», куда попадают и те регионы, в экономике которых сегмент этноэкономики играет доминирующую роль. Тем не менее этноэкономика, благодаря сочетанию специфического хозяйственного уклада с бытовым укладом жизнедеятельности преимущественно сельского населения в процессе рыночного перехода, обнаружила широкий диапазон своих возможностей. Оценивая роль этноэкономики в первый период российских реформ, чрезвычайно осложненный их деструктивным характером, следует отметить ее конструктивно-позитивное воздействие на динамику и социальную компоненту модернизационных процессов.

Во-первых, этноэкономика сыграла в кризисной ситуации роль своеобразного стабилизатора, придавшего инерционную устойчивость естественно-воспроизводственному тренду экономической динамики. В условиях деструктивной

трансформации других хозяйственных укладов и связанных с ними форм производства (реорганизация колхозно-совхозного строя; «кусочная» ваучерная приватизация вертикально-интегрированных объектов: объединений, фирм, комплексов агропромышленного типа и т. д.), этноэкономика явилась структурообразующим каркасом аграрной сферы российской экономики, амортизатором, смягчившим неблагоприятное внешнее воздействие и одновременно генератором предпосылок к росту.

Во-вторых, этноэкономика выполнила функции переходного модуля, соединяя фазу кризиса с фазой оживления передаточного устройства в механизме взаимодействия смежных циклов. Подобную роль не смогли сыграть ни реорганизованный сектор ассоциированных форм хозяйствования, ни фермерство, оставшееся без реальной государственной поддержки.

В-третьих, этноэкономика обеспечила воспроизводство (хотя и суженное) условий жизнедеятельности населения за счет гибкого внутреннего маневра ресурсами и изменению соотношения натуральной и товарной долей своей продукции.

В-четвертых, этноэкономика, которой присуща подвижность масштабов трудовой занятости, способствовала снятию остроты всплеска уровня безработицы, принимая высвобождающиеся из других сфер экономики трудовые ресурсы. Особенно важно это было для сельских поселений Карачаево-Черкесии, Северной Осетии–Алании, Дагестана и других регионов, в которых были свернуты ранее действовавшие здесь цепи предприятий оборонного комплекса с «отверточными» технологиями.

В-пятых, традиционная этноэкономика оказалась тем не менее укладом, способным воспринимать новации, что очень важно для модернизации российской экономики.

В-шестых, этноэкономика инициировала стартовый импульс, достаточный для запуска гораздо более масштабных инвестиционных процессов. Эту ее функцию можно сравнить с принципом реле в электротехнике. Действительно, используя ограниченные финансовые возможности для малокапиталоемкого самоинвестирования своей производственно-хозяйственной деятельности, этноэкономические хозяйства способны дать ключевой толчок к росту региональной экономики. Кроме того, долговременные сбережения домохозяйств могут быть использованы для институционального аккумулирования денег в организационно связанных формах (банковских срочных вкладов, сберегательных и депозитных сертификатов, паев в составе Паевых инвестиционных фондов, облигаций государственных, региональных и муниципальных займов и др.) с последующей трансформацией в инвестиционно-финансовые ресурсы.

В ситуации перехода к рынку ресурсы этноэкономики в регионах России оказались способными не только обеспечить социальное воспроизводство населения в период кризиса, особенно остро проявившегося в сфере корпоративной экономики, но и инвестировать развитие малого и среднего предпринимательства, добычу дополнительных сырьевых ресурсов для отраслей пищевой, легкой промышленности, строительства, а также развитие сферы услуг и торговли.

Исследования экономистов-аграрников Кабардино-Балкарии подтвердили тот факт, что на этапе посткризисного оживления аграрной сферы рост производства обеспечили личные подсобные хозяйства населения (традиционная форма этноэкономического уклада), доля которых составила более половины (54%) продукции сельского хозяйства. При этом определяющим фактором роста в этом

секторе стал трудозатратный тип воспроизводства (при жестких ограничениях по другим ресурсам – земле и капиталу).

Сочетание в деятельности субъектов этноэкономики элементов традиционного хозяйствования и предпринимательской активности в сфере коммерческой торговли обеспечивает синергический эффект. Универсальность и адаптивность форм хозяйствования в сфере этноэкономики придает им устойчивость в периоды смены одной экономической системы на другую. Это подтверждает наличие у этноэкономического сектора значительного адаптационного ресурса к модернизационным преобразованиям экономического строя общества.

Социальное пространство полиэтнических регионов России, в частности Северного Кавказа, на протяжении последних лет продолжало воспроизводить отношения, которые формируют этнокультурные общности в качестве социальных и экономических субъектов общественно-исторического процесса.

Статус и экономические позиции автохтонных этносов Северного Кавказа в силу сохранения в их хозяйственной практике агропромышленного уклона, определяются в первую очередь размером и качеством занимаемых ими земельных угодий и ландшафтов, доступностью ресурсов и совокупностью демографических характеристик.

В горных районах практически у всех этнических групп сохранились в той или иной форме институты общинной самоорганизации (тейпы, тухумы и др.) и городские собрания как форма самоуправления. Горцы в большой степени сохранили нормы общинного права (адаты); более жесткий контроль, ограничивающий экзогамию; установку на большие семьи, куначество, соседскую взаимопомощь и др. [2].

Расчеты показывают, что в этноэкономике – за пределами индустриального сектора – было занято до 80 % автохтонного населения этих регионов [3].

В этноэкономическом секторе Северного Кавказа производится значительная часть потребляемых товаров массового спроса, 20% продуктов растениеводства, 75% продукции животноводства.

Рыночные преобразования в регионах Северного Кавказа привели к свертыванию индустриального сектора экономики, усилению ее сырьевой направленности, углублению внутрорегиональной стратификации. По такому, например, интегрированному показателю, как ВРП на душу населения, субъекты РФ на Северном Кавказе различаются в 2-3 раза (рассчитано по [4]). Экономическое пространство Северного Кавказа сформировалось как совокупность элементов «государственной экономики», «рыночной экономики» и «этноэкономики». Вместе с тем созданная в этих регионах промышленность мало изменила складывавшийся столетиями тип хозяйственного уклада этносов. Основной тип хозяйствования этносов существовал как бы рядом и параллельно с промышленными отраслями, которые обслуживали, в основном, «народнохозяйственные» потребности. Иными словами, новые формы экономической деятельности, вызванные к жизни советской экономической модернизацией, не изменили хозяйственного быта местного населения.

Говоря об особой роли этноэкономики в социальном воспроизводстве населения Северного Кавказа, необходимо указать на тот достаточно жесткий факт, что кризис обрабатывающей промышленности в этих регионах резко снизил занятость в этой сфере русскоязычного населения этих регионов.

Процессы рыночного перехода обусловили:

- рост доли населения во вторичной, неполной и сезонной занятости;
- увеличение доли населения, занятого в малом и среднем бизнесе;
- переориентацию занятости значительной части населения на сферу услуг;

- отток населения в теневой сектор;
- усиление явлений отходничества, промыслов;
- массовую миграцию.

Что касается антикризисной роли этноэкономики в целом по Югу России, то она хорошо просматривается при анализе динамики ВРП и конечного потребления домашних хозяйств.

По группе регионов с преобладанием этноэкономики за пять лет в кризисный для них период с 1995 по 2000 г., ВРП на душу населения вырос в 5,5 раза, по группе регионов с «большой» экономикой – в 4 раза. Конечное потребление домашних хозяйств увеличилось в 4,8 раза в первой группе регионов, и во второй – в 4,4 раза. Объем продукции (услуг), произведенной малыми предприятиями (в основе которых резервы этноэкономики), в первой группе регионов повысился в среднем за 5 лет (1997-2001 гг.) в четыре раза, во второй – на 112% (рассчитано по [4]).

Для характеристики этой ситуации используем предложенный учеными ИНП РАН индекс экономической плотности региона, выраженный как произведение показателя плотности населения на показатель величины денежного дохода на душу населения [5].

Результаты авторского расчета индекса экономической плотности в разрезе регионов – субъектов Федерации – существенно меняет представление об их экономическом потенциале, уровне экономической активности, «богатых» и «бедных» регионах [6]. Заметим, что более высокая экономическая плотность ряда регионов – республик Северного Кавказа предопределяет давление на экономическое пространство соседних регионов (Ставропольский край, Краснодарский край, Ростовская область):

Субъект Федерации	Показатель экономической плотности региона
Адыгея	93,4
Дагестан	61,4
Ингушетия	93,4
Кабардино-Балкария	99,8
Калмыкия	5,8
Карачаево-Черкесия	43,6
Северная Осетия-Алания	198,7
Чеченская Республика	-
Краснодарский край	145,1
Ставропольский край	65,0
Астраханская область	47,4
Волгоградская область	39,2
Ростовская область	101,6

Таким образом, справедлив вывод, что этноэкономика в период фактического «сжатия» индустриального сектора не только сохранила свои ресурсы (трудовые, семейные и сырьевые надомные формы труда), обеспечив тем самым внутренний спрос на местных рынках, но и стала фактически единственным источником развития малого бизнеса, который опирался в основном на частные, личные накопления, превратившиеся в «работающие инвестиции».

Кроме того, этноэкономика посредством деятельности экономической и политической элит полиэтнических регионов выполняет еще одну важную и малоисследованную функцию – она участвует в производстве, распределении и перераспределении природной ренты. Регионы с преобладанием этноэкономического сегмента становятся получателями следующих видов рентных доходов:

- природно-сырьевая рента, включая ее важнейшую топливно-энергетическую компоненту (Татарстан, Чечня). Для отдельных регионов Юга России весьма существенны иные составляющие природного потенциала: в Дагестане –

биоресурсы Каспия; в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии – лесные ресурсы предгорий и гор Кавказа, рекреационные ресурсы;

– рента, возникающая на локальных рынках алкоголя, табачных изделий, наркотиков;

– земельная рента, особо существенная для регионов с выраженным дефицитом сельскохозяйственных угодий в горных районах Юга России;

– геополитическая рента обусловлена геостратегическим положением территории либо наличием в регионе явного или латентного очага конфликта – политического или военного;

– социально-гуманитарная рента, которая возникает при финансировании таких приоритетов национальной политики, как социально-экономическое «выравнивание» уровней территориального развития и «гуманитарная помощь».

Продуцируемая и перераспределяемая по бюджетным, налоговым, внутрикорпоративным и иным каналам, рента выступает при этом важнейшим фактором структурирования общенационального экономического пространства, процессов обособления в нем центра и соответствующей периферии, фактором как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов на всех уровнях территориальной организации макроэкономики – федеральном, региональном, локальном². Обобщая сказанное выше, можно утверждать, что в системе существующих межрегиональных отношений «рентный фактор» оказывает кардинальное воздействие на все без исключения регионы современной России.

Регионы интегрируются в своеобразную экономическую систему, в рамках которой возможны как максимально полное извлечение «внутренней» ренты, так и перераспределение в пользу конкретного региона рентного дохода, продуцируемого за его пределами (налоги, трансферты, «ценовые ножницы» и др.). Иными словами, регионы фактически конкурируют в борьбе за получение, перераспределение и присвоение ренты. При этом активность региона в этой конкуренции не в последнюю очередь зависит от удельного веса этноэкономических отношений.

Итак, этноэкономика – равноправный сектор хозяйственного комплекса Юга России, обеспечивающий, как показал исторический опыт, экономическую устойчивость этносов даже в условиях глубокого и продолжительного экономического кризиса, смягчающий последствия шока, связанного с экономическим переходом. Поэтому успешной в полиэтническом регионе может быть лишь та экономическая политика модернизации, которая способна соединить «большой» – корпоративный сектор и «малый» – этноэкономический, найти и реализовать механизмы их взаимодействия, органически «вписать» мелкотоварные формы труда и производства в развивающуюся на корпоративной основе предпринимательскую деятельность, увеличивая тем самым экономическую плотность региона, «развертывая» его экономическое и социальное пространство.

Литература

1. Княтинин В., Щедровицкий П. На пороге новой регионализации России // В кн.: «Россия между вчера и сегодня» М.: ИИП «Общественный договор», 2003.
2. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этноэкономика. Ростов-на-Д., 2000.
3. Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 2000.
4. Регионы России: социально-экономические показатели. М., 2002.
5. Узяков М.Н. Трансформация российской экономики и возможности экономического роста. М.: ИСЭПН, 2000.
6. Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 2002.
7. Дружинин А.Г., Давиденко Е.И. Рентоориентированная региональная экономика: приоритеты декриминализации. Ростов-на-Д., 2003.

² Подробнее см. в работе [7].